

«Вы променяли доломан, на шпагу и лампас...»

Но он не променял «доломан на лампас». Он не заказал себе генеральской формы а из Кавказской дивизии нам писали: «какой странный ващ генерал Мошнин, он не заказывает генеральской формы а донашивает полковничий доломан...» Был закон, по которому, в виду доро-

говизны формы, офицеры при переводах, имели право донашивать старую форму не то год, не то полгода. Не знаю, долго-ли донашивал старую форму наш милый Мошнин.

При уходе, он подарил полку большие каминные часы, прекрасно исполнявшие полковой марш.

Л. И. Высоцкий

Знамена Армии генерала Ренненкампа

На статью о судьбе знамен армий генерала Самсонова получены очень ценные отклики, позволившие уточнить обстоятельства спасения трех знамен. Видно, что не поздно еще, благодаря «Были» делать ценные вклады в историю. Желательно было-бы также уточнить судьбу знамен армии генерала Ренненкампа.

Для 1-й Армии обстоятельства не сложились так драматично как для 2-й. Она вышла из под удара, окружена не была и отошла в пределы России, сохранив свою боеспособность. Но при отступлении пришлось, кое где, пожертвовать арьергардами. Из нескольких десятков полков армии, по нашим сведениям только три имели несчастье понести потери, один — знамени, а два — древок от знамен. Первый случай относится к Гумбиненскому сражению, второй к отступлению и третий к ноябрьским боям 1914 г. Вот эти полки:

110-й пех. КАМСКИЙ, Ген. Адъютанта графа ТОЛЯ 1-го полк.

Знамя Георгиевское (1913 г.) «За оборону Правод против Турецкой Армии в 1829 году».

Полк принадлежал к 28-й пехотной дивизии, в Гумбиненском сражении оказавшей геройское сопротивление трем немецким и понесшей при том огромные потери. При отходе с поля сражения, в виду критического положения, полотнище было снято с древка, а из наверхия выломан Георгиевский крест. Эти главнейшие реликвии были вынесены из боя и спасены. Кем, не известно. Древо же было помещено в одну из повозок обоза, который у д. Тарпупонен попал в руки 3-го прусского кирасирского полка. Древо со скобой и с Георгиевскими и юбилейными лентами было найдено немцами в повозке.

119 пехотный КОЛОМЕНСКИЙ полк.

Знамя Георгиевское (1897 г.) «За Севастополь в 1854 и 1855 годах».

Знамя полностью попало в руки немцев 11 сентября 1914 г. у д. Адамсхейде, при следующих обстоятельствах.

Коломенский полк входил в 30-ю пехотную дивизию IV-го корпуса генерала Алиева, который подвергся атакам превосходного в силах врага. Русские контр-атаки следовали за атаками немцев. В результате упорства IV-го корпуса, он оказался охваченным. Пришлось отходить в тесном соприкосновении с противником. Коломенцы прикрывали отход. Знамя оказалось на линии огня.

Немцы пишут, что когда русские цепи поднялись и начали отходить, один унтер-офицер 32-го пехотного полка, увидел в бинокль, грузную фигуру русского знаменщика, отходившего со знаменем в руках с последними русскими бойцами. Тщательно приложившись, унтер-офицер выстрелил. Знаменщик упал и знамя осталось около его тела. Когда немцы поднялись в свою очередь и пошли в атаку, унтер-офицер подобрал знамя. Отвечает-ли немецкая версия действительности, нам неизвестно. Знамя Коломенского полка находилось потом, вплоть до 1945 г. в Берлинском Цейхгаузе.

223-й пехотный ОДОЕВСКИЙ полк.

Второочередной полк 56-й пехотной дивизии, которому при мобилизации было выдано старое знамя 2-го батальона 3-го пехотного Нарвского полка. Знамя Георгиевское (1878 г.) «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 г.»

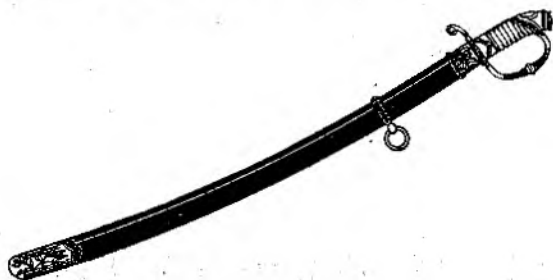
56-я дивизия дралась на самом правом фланге армии. Из некоторых русских источников следовало, что полк попал в критическое положение при отходе и что знамя было снято с древка, с которого снято было также наверхие. Знамя было спасено, а древо, со скобой, зарыто в землю. Но тут что-то не вяжется. Немцы нашли древо в ноябре, под Геритеном. Герит-

тен находится к югу от Сталупонена. В сентябре 1914 г. здесь Одоевский полк не дрался, тогда когда известно, что в ноябре он понес сильные потери именно под Геритеном. Отметим, однако, что покойный генерал Епанчич утверждал, что

Одоевский полк в ноябрьских боях «гнамени не терял».

Надеемся, что и на эту статью будут ценные отклики.

С. Андоленко

Взятие Ростова 7-го - 8-го февраля 1920 года

Приобрел прекрасно изданную книгу подполковника В. Е. Павлова «Марковцы в боях за Россию», том 2-ой, и мне, естественно, захотелось узнать, как наши боевые товарищи оценили одно из красивейших действий Сводно-Гвардейского кавалерийского полка, который 7-го февраля своей конной атакой обеспечил взятие Ростова, захватив 800 пленных, 2 бронепоезда, уже не говоря о брошенных противником орудиях. Открыл страницу 211-ую и с удивлением прочел, что нашему полку уделено ровно четыре слова, в то время, как вся тяжесть боя легла именно на кавалерию, вернее на один Сводно-Гвардейский кавалерийский полк.

Во имя восстановления исторической правды, я пришел к заключению, что надо описать этот бой, исключительный по своей картинности, но, добавлю, совершенно абсурдный с точки зрения правдивой военной науки.

В то время я командовал 1-ым эскадроном Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка. В строю у меня было 3 офицера и 46 кирасир, плюс 2 пулемета Максима на тачанках. Всего в Сводно-Кавалерийском полку, под командой генерал-майора М. Ф. Данилова, было 240 шапек.

Стояли мы на восточной окраине Батайска и 6-го февраля в 10 часов вечера полк, поднятый по тревоге, собрался на сборный пункт у церкви. Вызванные к командиру полка командиры эскадронов были поставлены в курс задачи. Задача — взятие Ростова. Впереди идут Корниловцы, которым приказано с налету занять станцию Гниловскую. Как только тет-де-пон будет обеспечен, наш полк должен обойти Ростов с западной стороны и войти в город со стороны Темерника.

Погода стояла исключительно тяжелая для

операции, но может быть благоприятная для того, чтобы захватить врага врасплох. Мороз в 25 градусов, снежная пурга и сильный северный ветер. Одел я на себя все, что мог и в ту минуту не подозревал, что все, что я навьючил на себя, спасет мне жизнь.

Движение через замерзшие плавни и камыши было тяжелым. Лошади были кованы только на передние ноги и скользили на льду. Мы больше вели их в поводу, борясь с неистовым ветром и налепывавшимся снегом. Шли мы много дальше, чем предполагалось и рассвет застал нас на льду в виду Ростова. Полк стал в резервную колонну перед широким рукавом Дона и было странно, что красные молчат и не стреляют.

Мертвая тишина была нарушена короткой очередью пулемета впереди нас, и по сигналу мы сели по коням и рысью, поскольку позволял грунт, двинулись к Гниловской. Корниловцы сделали великолепную работу — они застигли большевиков спящими и перекололи командный состав в вагонах, захватив пути товарной станции и небольшой плацдарм в первых домах Гниловской.

Тут произошло то, что можно было уже давно ожидать, — большевики поняли, что белые пришли, и открыли жестокий огонь по Гниловской и по льду за нами, по которому перебежали Марковцы. Они понесли потери от артиллерийского огня по льду, а наш конный полк сбился в кучу за домами, по которым большевики били из пулеметов. Положение казалось очень серьезным и я не представлял себе, каким чудом мы сможем выбраться из этой западни, так как нельзя было показать носа из-за пуль, роем свистевшим над нами и между домами.

Генерал Данилов, с совершенно исключи-